

УДК 821.111 «17»

С.А. ВАТЧЕНКО,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара*

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА «АМЕЛИИ» Г. ФИЛДИНГА

Рассматривается неоднозначность мнений литературных критиков и читателей о последнем романе Г. Филдинга «Амелия».

Ключевые слова: комическая эпопея в прозе, литература чувствительности, ричардсонский роман, тема провидения, образ автора, проблема влияния и оригинальности художественных решений.

В декабре 1751 г. лондонцы наконец-то обрели возможность ознакомиться с содержанием романа Генри Филдинга «Амелия». Появление в печати очередной книги автора увлекательных комических историй о Джозефе Эндрюсе и Томе Джонсе ожидали с нетерпением. Еще осенью опытный издатель Эндрю Миллар озадачил ценителей таланта писателя, посетовав, что едва ли сумеет удовлетворить растущий спрос читателей, даже несмотря на то, что предпринял меры: привлек дополнительно типографские станки для реализации заказа. Слова книгопродавца возымели действие, и в первые дни книга раскупалась мгновенно¹. Однако не столько напористость делового человека и не слепая самонадеянность знатока литературного рынка определили безошибочное поведение «предприимчивого шотландца», сколько тревога, подкрепленная мнениями коллег о том, что текст рукописи, с которой они ознакомились, – странный, необычный, и едва ли, будучи опубликованным, повторит успех «Тома Джонса».

Судьба «Амелии», «любимого детища» Филдинга, к этому времени ставшего влиятельным мировым судьей и знаменитым романистом, оказалась трудной и противоречивой. Уже 23 декабря, полагает М. Баттестин, Филдингу был ясен вердикт, вынесенный ему столичными интеллектуалами. Передавая с оказией своему близкому другу Джеймсу Харрису копию, как замечает Филдинг, «моей оболганной книги», он с горечью признается, что в его адрес было высказано обилие критики, которую в последнее время вряд ли удостоился услышать какой-либо другой сочинитель² [5, с. 532–533].

¹Поначалу интерес к «Амелии» был велик, и ряды книг на прилавках стремительно редели, что заставило Миллара планировать второе издание в 3000 экземпляров, но вскоре он отказался от задуманного. Продажи упали, и лишь в 1759 г. последние напечатанные при жизни Филдинга тексты «Амелии» нашли своего читателя. Любопытно, что роман пользовался в то время большим успехом на континенте. Уже в 1752 г. «Амелию» перевели на немецкий, а в 1756 – на датский языки, однако «французская» «Амелия» появилась в 1762 г., когда второе английское издание романа Филдинга увидело свет [5; 9; 17].

²28 декабря Джон Эптон также напишет Харрису и поделится своими впечатлениями о провале «Амелии». Он отметит, что Филдинг настроен философски, хотя «Амелия» не оправдала надежд как читателей, так и книготорговцев. В романе не находят характеров, подобных пастору Адамсу, Сквайру,

Но вопреки сдержанному приему, оказанному «Амелии», звучали и благожелательные отзывы. Их оказалось немного, но они были пронизательными и взвешенными. Не только Джон Клиланд в «Ежемесячном обозрении» (1752) восхищался оригинальностью темы романа, хвалил Филдинга за то, что писатель проявил внимание к героине в ситуации, когда его предшественники утрачивали к ней интерес после свершившегося замужества, оценивал «Амелию» как очевидную победу в жанре. С ним были солидарны ряд критиков. Но более всего Мэтью Мэйти удалось уловить подлинные достоинства книги, и в «Британском журнале» (1752) он выразил восхищение «автором, чье перо не только целомудренно, но и возвышенно, так как сочинитель не только срывает покровы с человеческой природы, но и облагораживает ее» [5, с. 536–537]. Мэйти превозносил правдивость описаний, отточенность диалогов, разнообразие характеров в романе. Он почувствовал, что Филдинг обличал « пороки соотечественников и созданные ими законы с тем, чтобы реформировать их». Мэйти утверждал, что «в тексте «Амелии» ощутимо присутствие не столько гражданина и судьи, сколько философа и подлинного христианина»³ [цит. по: 5, с. 537].

М. Баттестин напомнит, что совершенно неожиданно слова одобрения были произнесены доктором Джонсоном. Известно, что прежде он не мог заставить себя прочитать «Джозефа Эндрюса» и весьма невысоко отзывался о добродетелях автора «Тома Джонса», но от последней книги Филдинга не мог оторваться. Несмотря на свое восхищение Ричардсоном, предпочел Амелию Филдинга Клариссе, так как она, по утверждению Джонсона, является наиболее привлекательной героиней всех когда-либо написанных романов⁴ [5, с. 537].

Все же английский литературный мир прохладно встретил «Амелию» и не отдал должное глубине эксперимента романиста. Несомненно, Филдинг был уязвлен, и в выпусках издаваемого им в 1752 г. «Ковент-Гарденского журнала» он в лицах разыграл воображаемый процесс над Амелией, представшей перед судом цензоров, ведущих дознание, где ее обвинял адвокат, выступавший от лица города, опираясь на «Законодательный акт о глупости». Последующее разбирательство, где вместо Амелии в роли обвиняемых оказались ее недалекие и злобные критики, по мнению М. Баттестина, выявило просчеты романа, в которых его упрекали, в изложении самого автора. Прежде всего оппоненты не воспринимали как излишнюю серьезность поднятых писателем проблем подлинной религиозности и добродетели, так и героиню, которой, быть может, не хватало духовности. Не устраивали и персонажи романа, либо слишком неправдоподобные (доктор Гаррисон), либо избыточно поверхностные (полковник Бат), а также сцены в тюрьме ужасали падением нравов. Но более всего в расчет принимались язвительные реплики утонченных леди, порицавших книгу, при этом не удосужившись ее прочесть⁵.

Твакому и Вестерну. Об «Амелии» говорят снисходительно, но не впадают в крайности. Миллар рассчитывал на большие доходы и поэтому был разочарован, Филдинг, вопреки, смеется, шутит, у него хороший аппетит, как и прежде. И так будет продолжаться до тех пор, пока мошенники не переведутся в Ковент Гардене, а Филдинг не перестанет подписывать судебские бумаги [5, с. 533].

³Даже испытывавшие к Филдингу симпатию литераторы опасались реакции читателей на присутствующие в тексте «Амелии» сцены из жизни социального дна, содержащие неприукрашенные характеры обитателей Ньюгейтской тюрьмы.

⁴Ричардсон, напротив, спустя два месяца после публикации «Амелии», уверял, что книга эта «уже давно мертва, как если бы была издана 40 лет назад и написана ради коммерческих целей» [цит. по: 5, с. 533].

⁵Как досадный промах восприняли критики драматический поворот в судьбе юной героини: во время дорожного происшествия она получила ушибы и раны, и одна из них была болезненной. Амелия не уберегла свой хорошенький носик, он был сломан к удовольствию завистниц. Филдинг провёл Амелию через испытания, которые выпали на долю его жены-красавицы Шарлотты Крейдок, попавшей, к счастью, в руки искусного хирурга, вернувшего ей былую привлекательность. Лишь незаметный шрам, который делал ее еще более миловидной, остался на память о нелепом и трагическом событии. В романе Филдинг забыл упомянуть о само собой разумеющемся чудесном излечении Амелии, и это стало импульсом к появлению потока пародий, сатир, бурлескных текстов, где фигурировал образ «безносой Венеры». К рядам насмешников (а их было невероятно много) присоединился и Смоллетт, всегда ревниво следивший за успехами Филдинга [5, с. 534–535].

Завершит судебное разбирательство речь писателя, где, обратившись к цензору, Филдинг не только признается в том, как дорога ему «Амелия», но и утверждает, что, сочиняя ее, он следовал канонам избранных. И если внимательно присмотреться, то едва ли в ней можно найти так много отклонений от установленных предписаний. «Вряд ли Гомер либо Вергилий следовали правилам с большей тщательностью, чем я, – продолжает Филдинг, – сердечный образованный читатель прозорливо заметит, что последний стал для меня образцом для подражания» [5, с. 538]. И затем, рассчитывая на снисхождение судей, Филдинг признает, что едва он не подвержен ошибкам, и заявит, что хотел бы найти с судом компромисс, который всегда возможен, когда подвергают наказанию за допущенные глупости. «Поэтому, – продолжает он, – я торжественно заявляю, господин цензор, что более не потревожу мир ни одним из моих творений, вызванных к жизни той же музой» [5, с. 538].

Пройдет время, однако полемика вокруг наиболее неоднозначного романа Филдинга продолжается и сегодня [2; 6; 8; 9; 11; 12; 14]. И так же эмоционально, как и английские читатели XVIII в., современные критики ищут объяснение причин столь ощутимой перемены во вкусах художника. Они не перестают размышлять по поводу литературной неудачи Филдинга [13–16].

Сквозным мотивом непрекращающихся по сей день споров об «Амелии» оказывается вызывающая сожаление мысль о том, что яркий, праздничный мир «Тома Джонса» померк, и его заслонил обыденный, прозаический образ большого города, обитателям которого трудно преуспеть в «искусстве жизни». Разочаровывает и манера повествования автора, более не склонного к теплоте, искрящемуся юмором и остроумием общению с читателем, как бы разыгрывающего перед ним театральный спектакль по поводу рождения нового жанра – комической эпопеи в прозе. Теперь его поведение сдержанно, едва ли холодность тона и язвительная пронизательность изменяют рассказчику, когда он описывает слабости и простодушие добродетельных героев, как и вероломство и склонность к саморазрушению характеров, чьи «владельцы» не покидают пределы Ньюгейтской тюрьмы. Вопросы, которые задают себе литераторы прошлых веков и критики текущего десятилетия, удивительно перекликаются между собой, как и их ответы. Прежде всего, они задумываются над тем, с кем можно сравнить Филдинга – создателя «Амелии»? Похож ли он на раннего Филдинга, не увидевшего отличия между парадной страницей истории и теневой в «Джонатане Уайльде»? Равен ли он Филдингу – творцу шедевра – «Тома Джонса» или уступает ему? Насколько сохраняет новизну и оригинальность, ступив на территорию Ричардсона – рассказав о трудностях, выпавших на долю хрупкой Амелии⁶, а быть может, Смоллетта, представ в роли объективного регистратора суетных пороков, погони за властью и успехом, разыгрывающейся в городских декорациях?

И здесь отдельным исследователям несколько изменяет чутье, они преувеличивают значение внешних влияний на Филдинга, не замечают свежести его концепций, независимости от навязываемых ему моделей. Р. Полсон в добротной биографии «Жизнь Генри Филдинга» подчеркнул, что в октябре 1748 г. Филдинг написал письмо Ричардсону, воздавая похвалу «Клариссе» [11, с. 285]. Само письмо и упоминание о «Клариссе» на страницах «Якобитского журнала» показывают, какое воздействие роман Ричардсона произвел на Филдинга во время чтения, что убедительно подтверждает, насколько знакомство с «Клариссой» его переменило и привело к созданию «Амелии». «Действительно, – утверждает Полсон, – это единственное объяснение радикального и неожиданного отказа Филдинга от собственной манеры, открытой им в «Томе Джонсе» [11, с. 285]. Ряд свойств, внешне сбли-

⁶М. Баттестин отмечает, что взгляды на «Амелию» ричардсонианцев пропитаны предубеждением, так как Филдинг без позволения посмел «охотиться в чужих угодьях» [5, с. 535]. Миссис Донелен писала автору «Клариссы»: «Бедняга Филдинг, я думаю, что замысел был хорош, но он не ведал, как его воплотить, и эта попытка стоила ему утраты его гения. Томас Эдвардс советовал Филдингу не утруждать себя в описании возвышенных либо нежных порывов души, которые он слишком упрощенно представлял. «Я полагаю, – наставлял он одного из своих знакомых, – что если Хогарт и Филдинг осознали природу своих талантов, они должны были бы следовать голландской манере письма и довольствоваться тем, что заставляли людей смеяться из-за того, что истинно великие темы лежат за пределами их возможностей» [5, с. 535].

жающих романы Ричардсона и Филдинга, казалось бы, прямо понуждает исследователей называть «Амелию» ричардсонским романом.

Художественные открытия Ричардсона проецируют на поэтику «Амелии». Ричардсонским находят и заголовок, для которого Филдинг избрал женское имя, сразу же обозначающее и тему женской судьбы в романе. С помощью эпистолярной формы Ричардсона оценивают и включение в последний текст филдинговского романа обилие вставных историй, рассказанных от первого лица. Разорванность сюжета в «Амелии», приемы ретардации и ретроспекции, где внимание читателя приковано к прошлому персонажей, которое не отпускает их и о чем они постоянно вспоминают, называют приемом, эквивалентным формам художественного психологизма, освоенного в романах в письмах, где обращение с течением времени было весьма свободным. Излишне зависимым от Ричардсона находят и решение образа повествователя в «Амелии», исполняющего здесь более скромную роль и поделившегося теперь остроумием и красноречием со своими персонажами [11, с. 286].

Драматизация структуры романа, которой увлекся Филдинг в своей пространной экспериментальной прозе, определила не только концепцию образа автора в «Амелии», но и воплощение центральной коллизии и участь Амелии Бут, поистине, следуя Р. Полсону, «новой Клариссы», чьи житейские трудности воспринимаются в контексте семейных отношений [11, с. 286]. Она удивительно целостна по натуре и своими поступками утверждает неотвратимость вознаграждения добродетели, концовки, которую Филдинг желал «Клариссе». Не отрицая достоинств Ричардсона, а именно глубины репрезентации темы разрушительного поведения мужчин в социуме, безжалостно обманывающих женщин, часто толкающих их к падению и гибели, все же видеть в «Амелии» Филдинга лишь содержательную перелицовку «Клариссы» едва ли убедительно.

Однако в оркестровке проблемы испорченности нравов и вседозволенности в попирании прав слабого Филдинг объединит в «Амелии» мелодраматическую тональность и резкие сатирические обертоны в духе своего кумира Ювенала. И в этом случае Филдингу также откажут в самостоятельности эстетической концепции и обратятся к фигуре Смоллетта, большого, достойного художника, шотландца по происхождению, весьма сложно и неоднозначно оценивающего литературные успехи Филдинга. И хотя суждения исследователей о воздействии Смоллетта на Филдинга весьма осторожны, тем более что создателя «Перегриня Пикля» и «Родрика Рэндома» часто упрекали в неумелом, а иногда неоправданном, совмещении стихии пикарески и литературы чувствительности в жанре романа, что спровоцировано известной двойственностью натуры его героев – циничных, расчетливых и чувствительных одновременно, Смоллетт все же получит в глазах отдельных критиков преимущество перед Филдингом⁷. И потому стиливая подвижность «Амелии», где мрачный колорит смягчает теплые, светлые краски, в которых выписан образ главной героини, хотя открыто не будет названа заимствованной, но в то же время не удивит многих своей оригинальностью.

Историко-литературная рецепция «Амелии» Филдинга не только драматична, но и обладает увлекательной интерпретативной интригой, и несходство мнений о статусе романа в художественном наследии писателя во многом провоцирует в последние десятилетия возрождение интереса к его тексту [1; 8; 10; 17]. И удивительно, но именно внимание литературных критиков к «Амелии», к ее поэтологической инаковости в ряду комических форм Филдинга приводит и к неожиданной переоценке достижений романиста. Полемизируя с критиками прошлых лет, воспринимавшими «Амелию» как «предательство Филдингом

⁷Обладая ранимым и подозрительным нравом, Т.Дж. Смоллетт, участник многих литературных войн, разыгрывающихся в среде лондонских писателей середины века, открыто обвинял Филдинга в том, что образы Партриджа из «Тома Джонса» и мисс Мэтьюз из «Амелии» были позаимствованы из его «Родрика Рэндома». Р. Полсон с осторожностью относится к утверждениям Смоллетта, полагает, что такие сходства в романистике могут быть случайными, хотя констатирует, что, действительно, судьбы мисс Мэтьюз и мисс Уильямс удивительно подобны, и отдает должное мастерскому владению палитрой сатирических и мелодраматических красок, которые Смоллетт обнаружил в «Родрике Рэндоме». И так как образный строй «Амелии», по мнению Полсона, едва ли был традиционен для Филдинга, он полагает, что, вероятно, эти художники взаимовлияли друг на друга, они знали творчество каждого, и эти параллели между ними могли иметь место [11, с. 288].

своего художественного гения», современные исследователи видят в ней «не только вызывающий восхищение поворот Филдинга к «социальному реализму» (Р. Розенгартен), но и неожиданную для его читателей тягу к эксперименту по созданию психологически неоднозначных характеров» [14, с. 7]. Филологи убеждены, что Филдинг остается верен своим прежним эстетическим открытиям, углубляет их. Так, литературовед-теолог Ричард Розенгартен рассматривает «Амелию» как продолжение темы Софьи Вестерн, которая порою заслоняет и «Джозефа Эндрюса», и «Тома Джонса». Обращение Филдинга к судьбе женщины в романе трактуется критиками нового этапа не столько как досадное отступление от сложившейся литературной практики, но как позитивное бурное рождение современной эстетики писателя, обеспокоенного и сочувствующего тяготам жизни обездоленных и не реализовавших себя людей. Ричард Розенгартен иронично подметит, что обозначившиеся среди специалистов разночтения «Амелии» приводят к озадачивающему прецеденту. В пространстве критической мысли возникает как бы образ-символ колеса фортуны, которое, не замедляя бега, усилиями исследователей-традиционалистов возносит на вершину славы «Тома Джонса» и отбрасывает вниз «Амелию», либо наоборот, уже благодаря работам последних десятилетий о Филдинге «Амелию» превозносят и отвергают «Тома Джонса» [14, с. 6–7]. И эта парадоксальная ситуация делает их выбор необратимым.

Роберт Олтер, характеризуя поколение литературоведов, отдающих предпочтение «Тому Джонсу» и недооценивающих «Амелию» [14, с. 6–7], утверждает, что негативную роль в восприятии «Амелии» сыграла тема религии, так как избранник героини, Уильям Бут, «являет собою редкостную для Филдинга попытку изображения героя-христианина», но, по мнению исследователя, эта неудача во многом объяснялась сложностью для литераторов XVIII ст. убедительно представить «жизнь христианина в мире людей, утративших веру» [4, с. 146]. И поэтому явные назидательные цели автора не были восприняты читателями эпохи, когда для многих оказывалось очевидно, что христианская вера все более ослабляла влияние в быстро меняющемся мире.

Однако многие из обращавшихся к тексту «Амелии» не разделяют мнение Р. Олтера и полагают, что Филдинг двойственно интерпретирует проблемы религии в романе. Образ Амелии, так сочувственно переданный Филдингом, наоборот, настаивают они, привлекает внимание к суровой реальности, в которой она существует, и ее жизнь полностью опровергает поучительные сентенции доктора Гаррисона, пастора-благотетеля четы Бутов и сторонника идей христианского провидения в романе. Мир едва ли доброжелателен к Амелии, и ее непоколебимая вера не способна защитить ее от отчаяния.

В «Амелии» надежда на силы провидения разрушается под бременем социального зла, и стремление сохранять реалистическую установку в романе и совместить ее с провидением оказывается невозможным, так как одно исключает другое. И те из интерпретаторов, которые видят «Амелию» Филдинга именно в таком свете, движение писателя от оптимистического универсума «Тома Джонса» к передаче жесткости существования человека в водовороте урбанистического хаоса, оценивают как прозрение писателя и его этико-эстетическую зрелость, что склоняет их предпочтения в сторону «Амелии».

Список использованной литературы

1. Ингер А. Последний роман Генри Филдинга / А. Ингер // Филдинг Г. Амелия. – М.: Наука, 1996. – С. 445–485.
2. Роджерс П. Генри Филдинг. Биография / П. Роджерс. – М.: Радуга, 1984. – 207 с.
3. Филдинг Г. Амелия / Г. Филдинг. – М.: Наука, 1996. – 535 с.
4. Alter R. Fielding and the Nature of the Novel / R. Alter. – Cambridge: Harvard UP, 1968. – 238 p.
5. Battestin M. Henry Fielding. A Life / M. Battestin, R. Battestin. – L.; N.Y.: Routledge, 1989. – 738 p.
6. The Cambridge Companion to Henry Fielding / [ed. by C. Rawson]. – Cambridge: Cambridge UP, 2007. – 202 p.
7. Fielding H. Amelia [Электронный ресурс] / H. Fielding. – Режим доступа: www.gutenberg.com

8. Haggerty G.E. Fielding's Novel of Atonement: Confessional Form in Amelia / G.E. Haggerty // Eighteenth-Century Fiction. – 1996. – Vol. 8. – Issue 3. – P. 1–18.
9. Pagliaro H. Henry Fielding. A Literary Life / H. Pagliaro. – N.Y.: St. Martin's Press, 1998. – 237 p.
10. Parker A.J. The Author's Inheritance. Henry Fielding, Jane Austen, and the Establishment of the Novel / A.J. Parker. – DeKalb: Northern Illinois UP, 1998. – 238 p.
11. Paulson R. The Life of H. Fielding / R. Paulson. – Oxford: Blackwell Publishers, 2000. – 400 p.
12. Rawson C. Henry Fielding / C. Rawson // The Cambridge Companion to the Eighteenth Century Novel / [ed. by J. Richetti]. – Cambridge: Cambridge UP, 1996. – P. 120–152.
13. Richetti J. Fielding: System and Satire // Richetti J. The English Novel in History. 1700 – 1780 / J. Richetti. – L., N.Y.: Routledge, 1999. – P. 121–161.
14. Rosengarten R. Providence Displaced: The Recourse to the Final Judgment in «Amelia» // Rosengarten R. Henry Fielding and the Narration of Providence / R. Rosengarten. – N.Y.: Palgrave, 2000. – P. 91–115.
15. Sabor P. Richardson, H. Fielding, and Sarah Fielding / P. Sabor // The Cambridge Companion to English Literature. 1740–1830. / Ed. by Th. Keymer, J. Mee. – Cambridge: Cambridge UP, 2004. – P. 139–156.
16. Smallwood A. The Status of Fielding's Heroines: Tom Jones and Amelia // Smallwood A. Fielding and the Woman Question / A. Smallwood. – N.Y.: St. Martin's Press, 1989. – P. 144–171.
17. Varey S. «Amelia» // Varey S. Henry Fielding / S. Varey. – Cambridge: Cambridge UP, 1986. – P. 107–134.

Розглядається неоднозначність думок літературних критиків та читачів щодо останнього роману Г. Філдінга «Амелія».

Ключові слова: комічна епопея в прозі, література чутливості, річардсоніанський роман, тема провидіння, образ автора, проблема впливу та оригінальності художніх рішень.

The variety of literary critics' opinions on the last H. Fielding's novel «Amelia» is examined.

Key words: comic epic poem in prose, literature of sensibility, Richardsonian novel, the theme of Providence, the problem of influence and originality of artistic decisions.

Надійшло до редакції 8.06.2012.